

КСЕНИЯ ВЕСНЯНКА

СВАХА С ХОЛМА

Ксения Веснянка

Сваха с холма.

<https://litres.ru/74681227>

SelfPub; 2026

Аннотация

В эпоху Чосон, там, где сакура роняет лепестки на старые камни, есть холм. А на холме — дом Свахи. Но она не ищет пары для живых. Её дело...мёртвые души, что бродят неприкаянными. У них тоже есть желания и боль, и они платят ей по-своему. Говорят, её имя — Наби. Что значит «бабочка». Но это только слухи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ксения Веснянка

Сваха с холма.

Глава 1

При работе над рукописью автор использовал нейросетевые инструменты для проверки орфографии, поиска логических повторов и первичной вычитки. Все сюжетные решения, характеры героев, диалоги и художественные образы созданы автором самостоятельно. Текст является авторским произведением.

Дом её стоял на холме, крепкий, ладный. Стены глинобитные, обмазанные белой известью, ровные, без трещин. Крыша из тёмно-серой черепицы, не новой, но крепкой, ни одна плитка не сбита. На коньке торчала керамическая голова утки, выщербленная временем, но всё ещё сердитая, как и положено оберегу.

Сегодня Наби решила перебрать все травы, старые и новые, что лежали в коробах и сундуках, чтобы подготовить их для дальнейших ритуалов. Весна в её деле была временем самым хлопотным. Женихи и невесты, живые и не очень, хотели обрести пару, и каждый приносил свою боль, свою на-

дежду, свой странный заказ.

Склонив голову набок и от усердия высунув кончик языка, Наби сидела на низкой деревянной скамейке, врытой в землю, под старой сакурой. Скамейка была без спинки, выструганная из толстой доски, отполированная до мягкого блеска частым сиденьем. Ноги её, в соломенных мипхури (плетеные тапочки), чуть не доставали до земли, и она покачивала ими в такт своим мыслям. Розовые лепестки сакуры, кружась, падали ей на плечи, прилипали к влажным стеблям трав на столе, и Наби время от времени сдувала их, даже не глядя, просто привычно.

Коса её, чёрная, с густым синим отливом, тяжёлой змеей свешивалась через плечо, и конец, перетянутый яркой зелёной лентой, чуть покачивался при каждом движении. Травы лежали на каменном столе, том самом, который когда-то поставила здесь бабушка. Откуда взяла камень и как подняла на холм, Наби не знала и каждый раз, проводя ладонью по прохладной шершавой поверхности, думала: «Вот бы мне её силу, такую тихую, что камни слушаются». Ладонь у Наби была маленькая, пальцы тонкие, почти прозрачные на свету, точь-в-точь как у фарфоровой куклы, что стояла когда-то у бабушки на полке.

Травы шуршали под её тонкими пальцами, тёплые, чуть влажные от утренней росы. Весенний ветерок, ленивый, пахнувший дальними горами, играл с их стеблями, перебирал, как струны, и отдавал в воздух пряный, горьковато-сладкий

дух. А заодно путался в её длинных волосах, выбивая из косы тонкие пряди, и они падали на щёки, на родинку, что темнела на левой скуле, ту самую, которую бабушка называла «печатью договора»: кто заметит, тот и душу продаст, шутила. По этой примете Наби могли узнать в любом незнакомом месте. Род Хван славился своим ремеслом: женщины здесь веками соединяли живых с мёртвыми, помогали духам обрести пару, а людям уладить дела на том свете.

Говорили, что душа умершего без брака может стать беспокойной, насылать болезни или неудачи. Но чаще всего она просто тосковала, скиталась неприкаянной, и ей было нестерпимо одиноко. А уж если начинала вредить, поздно было каяться. Потому родственники и стремились найти для покойного жениха или невесту, не дожидаясь беды.

Сами же духи, те, что ещё не ожесточились, нередко приходили к Наби сами. Им было одиноко, они хотели любви, внимания, надеялись, что сваха поможет найти пару.

Пахло первой полынью, терпкой, с медовой ноткой. Пахло молодой черемшой, острой и свежей, так что щипало в носу. Наби шмыгала, улыбалась, и на щеках её проступали ямочки. Сама она была невысокая, тонкая в талии, лёгкая. На вид ей можно было дать шестнадцать-семнадцать, но Наби уже минуло двадцать. Она была как бабочка, чьё имя носила.

Пахло сушёными корнями пиона, тяжёлый, пряный, чуть приторный дух, от которого кружится голова. И ещё хризантемой зимней, засушенной и ломкой, пахнувшей мёдом и по-

коем.

Иногда ветер доносил сладкий дурманящий запах цветущей сакуры. Тогда Наби на миг замирала, закрывала глаза, подставляя солнцу лицо с фарфоровой белой кожей, и на нём едва проступали редкие веснушки. А когда открывала их снова, в серых, миндалевидных глазах, чуть приподнятых к вискам, вспыхивали искорки смеха.

Светлые глаза в этих краях были редкостью. В деревне привыкли, бабушка была такой же. А чужаки пугались: слишком холодный, нездешний взгляд. Но стоило Наби улыбнуться, и глаза становились мягкими, пепельными, и страх проходил. Только во время ритуала они темнели: зрачок расширялся, занимал почти всю радужку, и казалось, что она смотрит за грань, туда, где кончается солнечный свет.

-Хорошо- шептала она сама себе, проводя тонким пальцем по родинке, будто проверяла, на месте ли. -В этом году травы знатные.

И снова склонялась над столом, перебирая стебель за стеблем, лист за листом, напевая старую песню-вдох, ту самую, которую бабушка когда-то пела на поминках по осенним листьям. Ни начала, ни конца, только длинные, тягучие ноты, похожие на рябь на воде от упавшего лепестка. Говорили, эту мелодию знали ещё прабабки, и в каждом её выдохе жила память ушедших. А ветер играл с косой Наби, и лента в волосах билась в такт, и вся она была сама весна, сама жизнь, несмотря на мёртвые травы в руках.

— Бабочка, бабочка, расправь крылья, — тихо напевала Наби, и голос её струился, как шёлк на ветру, — в этот день цветущий, солнечный, лети же к сливе, что у крыльца...

... а я тут коренья сушу в тишине.

Знаешь, бабочка, там, за холмами,
ждут невесты с пустыми глазами,
а ветер им шепчет: «Забудьте о сне».

Бабочка, бабочка, крылья, как пламя,
унеси моё имя за дальние храмы,
где духи танцуют на тонком огне.

Нитки с высушенными красными перцами, развешанные над дверью, тихо качнулись. Ветер уже утих, а они качнулись. Наби подняла голову от трав, и кончик языка сам собой втянулся обратно.

Бабушка учила: красный перец жжёт духов, полынь отгоняет, а вороньи перья путают след, чтобы нечисть не нашла дорогу обратно. Наби свято соблюдала заветы, даже лишние перья вешала, на всякий случай.

Обереги эти берегли только порог и стены дома, не пускали духов под крышу. Но двор, сад, старый каменный стол, скамейку под сакурой, туда духи могли заходить. Так было заведено: живым дом, а мёртвым двор, если пришли с миром или по зову.

Наби замерла, положила руку на пояс, втянула воздух носом, почуяла холод.

И вот перцы качнулись еще раз.

Воздух поплыл. Не нагретый полуденным солнцем, а другой, тяжелый, густой, как старая патока. Он потек от калитки к скамейке, закручиваясь вокруг ножек обтекая каменный стол. Травы на столе притихли, перестали шуршать. Даже запахи, ещё минуту назад такие яркие, травяные, медовые, пряные, вдруг прижались к земле, будто испугались.

А вместо них пришёл другой запах. Холодный. Пахло старой кровью, ввевшейся в кожу и железо, пахло сырой землёй, могильной, глубинной, и ещё чем-то чужим, от чего Наби захотелось чихнуть, но она сдержалась. Где-то на грани слышался тонкий, едва уловимый звон, как будто кто-то перебирал ледяные иглы.

Наби ощутила, как волосы на затылке шевельнулись. Не от ветра, нет, ветра не было. Просто холод пробрался под косу, пощекотал кожу, заставил плечи чуть сжаться. Во рту появился металлический привкус, будто она прикусила медную монетку. Она сглотнула, не показывая страха.

Перед ней соткался из этого воздуха дух.

Мужчина. Воин.

Высокий, даже на полголовы выше любого воина, каких ей доводилось встречать на базаре или провожать на тот свет. Доспехи на нём были чёрные, лакированные, с бронзовыми заклёпками, местами погнутые, местами покрытые тёмными пятнами, похожими на засохшую кровь. От них пахло железом и старым потом, и ещё чем-то приторно-сладким, как от давно засохших цветов на могиле.

Шлема нет. Волосы длинные, спутанные, собраны в хвост на затылке кожаным шнурком. Лицо узкое, скуластое, с глубокой впадиной под левой скулой: не хватает куска плоти, видна кость. Из пустоты тянуло холодом, таким сильным, что у Наби занял зуб, и она потеряла щеку.

Глаза чёрные, узкие без белка, и смотрели они прямо на Наби, не мигая, но и без злобы. В их глубине, если приглядеться, мерцало что-то, похожее на угли, что давно потухли, но ещё хранят жар.

Он не шагнул, не поклонился. Просто стоял, и от него веяло холодом. Там, где он стоял, трава на мгновение покрылась инеем, но тут же растаяла.

Наби сглотнула ещё раз, но не отвела взгляда. Только пальцы сами собой нащупали на поясе мешочек с сухой полынью, так на всякий случай.

Глава 2

— Сваха, — произнёс он шипящим, тяжелым голосом. — Я хочу найти себе невесту.

— Вы не ошиблись, господин — Наби даже не сбилась, хотя внутри всё сжалось. Она затараторила быстро, как привыкла, перебирая пальцами край пояса. — Какую невесту вы хотите? Живую? Мёртвую? Из какого рода? Дата рождения? Внешность? Любит ли долгие беседы или предпочитает тишину? Умеет ли готовить рисовые пирожки? Вопросы стандартные, но их много, вы уж потерпите.

Она говорила и смотрела на него. Вблизи дух был ещё страшнее. Сквозь рваную рану на скуле просвечивала белая кость, и Наби вдруг подумала, что, наверное, это было от удара мечом. Или топором.

Дух помедлил. Ветер, которого не было, шевельнул его спутанные волосы, и из пустоты на месте раны пахло холодом, как из открытого погребя. Наби поёжилась, но не отвела глаз, повернувшись к дому.

Вход встречал лёгким раздвижным проёмом. Деревянная решётка, простая, без излишней резьбы, только квадратные ячейки, но аккуратная, сработанная на совесть. Оклеена плотной, чуть золотистой на просвет бумагой ханчжи, из-за чего дверь казалась невесомой, почти прозрачной преградой между миром людей и тайнами внутри. Из косяка свиса-

ла плетёная конопляная верёвка, за которую дёргали гости, чтобы открыть дверь, а вечером Наби сама тянула створку, закрывая дом от ночной темноты.

— Сунги! Принеси мою шкатулку с кистями. Ту, что тёмно-красного цвета.

Из-за раздвижной двери, шелестя бумагой, послышался шорох, и чей-то старческий голос прошамкал:

- Сейчас, сейчас, агисси (маленькая госпожа). Уже несу.

А Наби снова посмотрела на духа, и тени от сакуры легли на её лицо, сделав его чужим, почти древним.

— Мёртвую — прошелестел дух, и голос его стал похож на шорох сухих листьев на могильной насыпи. — Не хочу хоронить потом. Род любой, только не низший. Невеста должна быть красива и скромна.

Он говорил, и иней на траве под ним выступал снова и снова, таял, не успевая как следует окрепнуть.

Наби кивнула, будто ничего необычного не услышала. Кончики пальцев у неё побелели, но голос остался звонким, как всегда.

Из-за двери вышла старая женщина. На ней был персиковый ханбок: короткая кофта чогори, чуть выцветшая на плечах, и широкая юбка чима, мягко струящаяся при каждом шаге. Голова повязана белым платком, из-под которого выбивались седые пряди. Повязан он был просто: накинут на макушку, а концы завязаны тугим узлом на затылке. Лицо в мелких морщинах, как печёное яблоко, но глаза живые, чёр-

ные, быстрые. В руках она несла шкатулку тёмно-красного цвета с медными уголками.

— Господин — Наби быстро промокнула кончик кисти о край тушечницы. — Ваше имя, возраст, час рождения, год рождения, год, когда умерли. Я сейчас всё запишу и буду искать для вас невесту.

Она говорила бойко, привычно, а сама краем глаза следила за инеем на траве у ног духа. Тот таял медленно, неохотно, будто не хотел отпускать холод.

— Меня зовут Ымхы, — голос его скрипел, как ветки старой сосны на морозе. — Тридцать два года мне было, когда погиб. Родился в год Обезьяны, в час Тигра.

Наби чиркнула кисточкой по бумаге, оставляя иероглифы, но рука её чуть дрогнула. Год Обезьяны, шестидесятилетний цикл подходил для воина, рождённого под знаком напористости и удали. А час Тигра, самый тёмный, предрасветный, час хищников, что выходят на охоту.

— Род мой, Ли из Чонджу — добавил дух, и в голосе его проступила гордость, несмотря на смерть. — Умер в год Собаки.

Она чиркнула что-то на бумаге, но взгляд её вдруг оторвался от листа и уставился на духа. Серые глаза её, подёрнутые дымкой, расширились.

— Год Собаки — повторила она и облизала пересохшие губы.

В голове замелькали даты, словно листья на ветру. «Год

Собаки... так это ж почти пятьдесят лет назад!» Холод пробрался под её ханбок, добравшись до самых костей.

Она не договорила, не спросила. Только взяла себя в руки и снова обмакнула кисть в тушь.

«Ли из Чонджу, это сильный род, воинский», — мысленно отметила она. Такому не подсунешь первую попавшуюся невесту. Здесь нужен особый выбор.

— Так — продолжила она, обмакивая кисть в тушь. — Невеста должна быть красивой, скромной.

Наби быстро прикинула в уме годы и часы, подходящие под описание «красивая и скромная», но пальцы её замерли над бумагой. Она подняла глаза на духа, и в них, мелькнуло что-то живое, почти озорное.

— Ымхы-сси, тут есть одна строка... Характер. Красивая и скромная, это понятно. А что для вас важнее: послушание и покорность или пламя в глазах? Цифры, они ведь могут и обмануть. Если год рождения или час названы неверно, весь поиск пойдёт по ложному следу.

Дух помедлил. Холод, что исходил от его доспехов, стал будто тяжелее. Иней на траве под ним замер, перестал таять.

— Скромная, женственная, но с пламенем в глазах, — голос его проскрежетал, как несмазанный дверной крюк. — Не хочу невесту, что всегда молчит и во всём соглашается. Хочу умного и начитанного собеседника, чтобы не боялась молчания и одиночества. И чтобы слово её было крепче камня. За гранью ложь не прощают.

Наби чуть приоткрыла рот, потом улыбнулась, и на щеках её проступили ямочки.

— Вот это другой разговор, господин — Она снова взялась за кисть. — Значит, ищем не просто стену для разговора, а искру. Хорошо. Запишем.

Она склонилась над бумагой, и кончик её языка снова высунулся от усердия. Лепесток сакуры упал на край свитка, но она не сдула его, только пальцем отодвинула в сторону.

— Господин, от чего вы умерли? И есть ли разница, от чего умерла предполагаемая невеста? — спросила Наби, подняв голову и чуть расправив плечи.

— Умер от ран после боя — голос духа стал глуше, будто он не хотел вспоминать. — От чего умерла невеста, не имеет значения.

— Господин, должна ли она быть религиозна или безразлична к вере? Как вы относитесь к женщине, которая может рассмеяться в неподходящий момент? Вам важно, была ли она замужем при жизни? Остались ли дети? Какая внешность предпочтительнее: классическая красота, бледная кожа, тёмные волосы, овальное лицо, или что-то особенное?

Вопросы лились, как вода из ведра. Наби даже не заметила, как голос её стал звонче, а пальцы, державшие кисть, замерли, ожидая ответа. Лепестки сакуры кружились между ней и духом, не касаясь земли.

Закончив с вопросами и всё записав, Наби получила от духа кольцо для его призыва. Кольцо было холодное, желез-

ное, с выцветшей печатью рода Ли, и оно неприятно холодило ладонь. Она поклонилась духу, как положено свахе, не низко, но почтительно, и сказала:

— Дело это не быстрое, господин. Я буду искать. А теперь позвольте предупредить сразу: я беру предоплату в тридцать процентов. Эти деньги пойдут на поминальные дары, без них в дом, где умерла девушка, не войдёшь с чистыми руками. С той же предоплаты куплю и подарок для невесты.

Она чуть помолчала, перебирая пальцами кисточку пояса.

— По обычаю, жених посылает в дом невесты лакированный ящик «хам», а в нём свадебное письмо «чхонхонсо» и два отреза шёлка, синий и красный: синий завёрнут в красную бумагу, красный в синюю. Это знак единения, знак того, что уговор нерушим. Но вы... — Наби чуть улыбнулась, и в глазах её мелькнули озорные искорки, — вы дух. И невеста ваша, если найдётся, тоже с того света. Так что красный с синим шёлком я принесу к её могиле, а ящик заменю на зовущую ленту. Надеюсь, вы не в обиде?

Ымхы помедлил. Холод, исходивший от его доспехов, чуть отступил, будто он задумался.

— Я всё понимаю, Сваха. На аванс согласен. Давай заключим договор, произнёс он, чуть наклонив голову. От этого движения волосы упали на рану, и снова пахло могильной сыростью.

— Отлично, господин, это уже серьёзный разговор— Наби щелкнула пальцами, и звонкий звук разнёсся по саду, за-

ставив лепестки сакуры взлететь с земли. — Сунги, принеси шкатулку чёрную лакированную. Будем заключать договор.

Из дома, шаркая ногами, уже спешила старая служанка, шелестя юбками. Для договорных дел у неё была особая шкатулка.

Чёрная, как безлунная ночь, покрытая густым лаком, в котором тонул даже отблеск фонаря. Серебряный замок на ней был сделан в виде свернувшейся змеи, с крошечными рубиновыми глазками, которые, казалось, следили за каждым движением. Говорили, что змея живая: когда договор заключали честно, она спала, а когда кто-то пытался обмануть, её глаза начинали мерцать, и шкатулка не открывалась, пока обман не исчезал.

Сунги поставила её на край стола, и Наби, погладив ладонью прохладную, скользкую поверхность, нажала на голову змеи. Замок щёлкнул, и крышка медленно, почти нехотя, приоткрылась. Внутри лежало несколько свитков договоров, перетянутых шёлковыми лентами разных цветов: чёрные, красные, синие, в зависимости от того, с кем и на каких условиях был заключён союз. Пахло оттуда старой кожей, тушью и чем-то неуловимо сладковатым, напоминающим ладан.

Сунги знала своё дело: не нужно дважды повторять.

Наби развернула лист плотной, кремового цвета бумаги ханчжи, сделанной из коры тутового дерева. Размером лист был в два десятка пальцев в длину и полтора в ширину, на

ошупь мягкий, но крепкий, с лёгким шорохом, который в тишине сада под дрожащим светом фонаря звучал почти как шёпот. На листе уже был выведен её рукой стандартный договор, оставалось только заполнить пустые места.

Она взяла кисть, обмакнула в тушь и начала читать вслух, медленно, чеканя каждое слово, вписывая данные в пропуски.

— Пункт первый. Настоящий договор заключён между Наби, свахой из рода Хван, и Ымхы из рода Ли из Чонджу, рождённым в год Обезьяны, в час Тигра, умершим в год Собаки.

Пункт второй. Сваха обязуется найти для духа Ымхы подходящую пару из числа умерших, отвечающую требованиям: красивая, скромная, но с пламенем в глазах, начитанная, не низшего рода, не проклятая.

Пункт третий. Поиск ведётся с учётом совместимости по году и часу рождения. Высокая или средняя совместимость рассматривается, низкая — нет.

Пункт четвёртый. Сваха начинает поиск с момента подписания и вправе использовать любую информацию.

Пункт пятый. Срок поиска не ограничен.

Пункт шестой. Сваха не отвечает за задержки из-за отсутствия подходящих кандидатур. Если кандидат, полностью отвечающий требованиям, найден, но Ымхы отказывается без уважительной причины, аванс не возвращается. Договор может быть расторгнут Свахой в одностороннем порядке.

Пункт седьмой. Аванс — тридцать процентов.

Пункт восьмой. Плата за услуги — частица духовной силы, переходящая к свахе в момент сжигания договора после успешного завершения свадебного обряда. Наби отложила кисть, подула на свежие иероглифы, и подняла глаза на Ымхы. Иней на траве под ним замер, будто тоже слушал.

— Господин, вы, наверное, заметили: в договоре везде сказано «Сваха», а не моё полное имя. — Она чуть усмехнулась, но глаза остались серьёзными. — Это не случайно. Если я не успею найти для вас невесту при жизни, невестой займётся другая женщина из рода Хван: моя дочь, внучка, племянница. Кто продолжит дело. Договор не сгорит со мной. Он остаётся в родовой шкатулке, и аванс переходит к следующей свахе. Так делали ещё моя бабушка и прабабка. У нас, у Хван, долги перед духами не пропадают.

Ымхы чуть наклонил голову, и холод вокруг него стал глубже, но не злее.

— Разумно, — проскрежетал он.

— Ымхы-сси, я зачитала всё. Если согласны, поставьте отпечаток пальца здесь — она указала на место под текстом.

Ымхы медленно протянул руку. Холод от его пальцев ударил по лицу Наби, будто она сунулась в ледяную прорубь. Он коснулся бумаги большим пальцем.

В тот же миг лист ханчжи покрылся тонким слоем инея. Розовые лепестки сакуры, упавшие на край стола, замерцали, покрылись крошечными ледяными иглами. Иней исчез

так же быстро, как появился, а на его месте остался чёрный отпечаток пальца, глубокий, будто выжженный, но холодный на ощупь.

— Теперь мой черёд — сказала Наби.

Она взяла свою печать из персикового дерева с именем и знаком рода Хван # ##, макнула в киноварную пасту и поставила алый оттиск рядом с чёрным следом духа. Красный рядом с чёрным. Жизнь рядом со смертью.

— Всё, — выдохнула она, отворачиваясь. — Договор заключён. Аванс тридцать процентов.

Она свернула договор, перевязала красной шёлковой лентой и убрала в шкатулку. Ымхы молчал, но холод вокруг него стал чуть тише. Он передал ей аванс, частицу духовной силы. Наби собрала её в маленький стеклянный пузырёк с притёртой пробкой; пузырёк тотчас покрылся изнутри серебристым туманом, который мерцал, как далёкие звезды.

Ымхы кивнул и начал таять в воздухе, как утренний туман над прудом. Только иней на траве остался да холод, который ещё долго не хотел уходить. Наби постояла, глядя на опустевшее место, потом перевела дух и убрала кольцо в шкатулку с кистями.

Глава 3

— Сунги, давай пить чай — устало произнесла Наби.

Сунги понимающе кивнула и засеменила к печи, где у неё с утра томился небольшой глиняный котелок с горячей водой. Пока служанка хлопотала, Наби, словно ничего и не случилось, принялась собирать чайный столик-чабан. На низкий, до блеска отполированный поднос с ножками она поставила всё необходимое: белый фарфоровый чайник, на удивление изящный для её скромного быта, ценный подарок от благодарных клиентов; несколько пиал небольшого размера, похожих на раскрытые бутоны цветов, и маленькую бамбуковую ложку.

— Ну, рассказывай, кого на этот раз боги принесли? — проворчала старуха, с трудом опускаясь на циновку. Скрывать от Сунги было нечего, старая служанка знала о посетителях почти столько же, сколько и сама хозяйка, а имена многих духов помнила ещё со времён бабушки.

— Воин из рода Ли, — Наби взяла в руки бамбуковую ложку и аккуратно переложила сухие листья хокча в чайник. — Мрачный, страшный и уже пятьдесят лет как мёртвый. Ищет невесту.

— Ох уж эти мне эти женихи да девицы загробные — покачала головой Сунги, подавая котелок. — А сам-то старый уже?

— Тридцать два — Наби плеснула кипяток в пустую пиалу и тут же вылила, ополаскивая её.

Сунги хмыкнула и протянула своей госпоже тканевую салфетку.

— Не женское это дело, с мертвецами разговаривать.

— Да ладно тебе, аджумма, — Наби широко улыбнулась, и ямочки на щеках стали ещё заметнее. — Зато это ремесло кормит нас обеих. И чай из жасмина я тебе покупаю именно на те деньги, что платят. Так что не ворчи.

С этими словами она налила кипяток в чайник, подождала ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы заварить чай, и разлила напиток по пиалам. Подавая чашку старой служанке, Наби придерживала её двумя руками с двух сторон и лишь затем отпустила, дожидаясь, пока та примет угощение.

Сунги степенно и с видимым удовольствием поднесла пиалу к губам. Глубоко вдохнула цветочный аромат, закрывая рот от посторонних глаз, и сделала маленький глоток.

— Хорош чаёк в этом году, — крикнула она, хитро поглядывая на Наби. — Умеешь ты выбрать.

Вечером Наби вынесла из дома фонарь. Был он из бамбукового каркаса, оклеенный плотной рисовой бумагой хан-чжи, с железной ручкой и масляной лампой внутри. Такие фонари носили с собой простые люди и торговцы, а знатные предпочитали более богатые. Для Наби он был верным спутником в ночных походах: стойкий к ветру, с тёплым светом,

который не привлекал лишнего внимания.

Рядом с фонарём она поставила на стол большую шка-тулку тёмно-синего цвета, покрытую лаком, с серебряными уголками по краям, а перед ней положила маленький острый нож для вырезания иероглифов, с тонким костяным лезвием и потёртой рукоятью, а также кисть и небольшой керамический сосуд с чёрной тушью, чтобы делать пометки на обороте бирок.

Резак служил для вечного, им вырезали имя, даты рождения и смерти. То, что останется на бирке навсегда, что не изменить и не стереть. А кисть предназначалась для того, что могло перемениться: характеристика духа, его пожелания относительно пары, пометки о совместимости. Эти слова можно было зачеркнуть или дописать, если дух вдруг менял решение.

Сама уселась поудобнее под сакурой, поджав ноги в мипхури, и открыла крышку. Изнутри пахло фруктово-сладковатым запахом, смешанным с сухим деревом и чем-то пряным, неуловимым, как старая память.

Шкатулка была разделена на три отделения.

В левом отделении лежали прямоугольные заготовки из грушевого дерева с округлёнными углами. Пахли они сухим, чуть сладковато. Груша, дерево долгое, помнит предков. Из него поминальные таблички вырезают, чтобы связь не прерывалась. Но цветёт груша недолго, облетает быстро, как и жизнь человеческая. Может, потому оно и подходит для за-

писей о тех, кто уже за гранью.

В центре хранились такие же бирки, но уже с надписями. Полное имя человека, который умер, не успев вступить в брак. Год рождения по шестидесятилетнему циклу, час рождения, год смерти. На обратной стороне теснились краткие характеристики, буквально несколько слов: «вспыльчив, скромен, нетерпелив, боится воды». А также небольшие пометки о совместимости: «не подходит для рода Ким (год Змеи)», «пробовали с Ли, не сложилось». Их было около пятидесяти, и они терпеливо ждали своего часа, теснясь в тесном отделении, как пассажиры на пароме перед дальней дорогой.

Правое отделение предназначалось для бирок пар, которые находились в процессе сватовства. Они были связаны попарно красной шёлковой нитью, но это означало лишь то, что духам ещё только предстояло познакомиться, присмотреться друг к другу. Свадебный обряд ещё не проводили, нить не затягивали в узел. Здесь лежали те, кто пока только искали друг друга, и терпеливо ждали своего часа.

Взяв в руки резак и новую бирку, Наби не торопясь вырезала имя, год рождения, час рождения и год смерти нового клиента, Ымхы. На обороте тонкой кистью вывела несколько слов о его характере: «Суров, горд, справедлив. Не терпит лжи. В бою горяч, в покое холоден».

Затем, сосредоточенно, она стала перебирать бирки с предполагаемыми невестами. Одна за другой они проходи-

ли перед её мысленным взором, и одна за другой откладывались в сторону.

Вот эта была красива, но из слишком низкого рода. Ли из Чонджу не пристало родниться с простолюдинкой, даже мёртвой. Другая из хорошей семьи, и лицом пригожа, да только год рождения не подходит, Змея с Обезьяной хоть и ладят, но Ымхы просил скромность, а Змеи, как знала Наби, себе на уме. Третья и родом, и лицом, и годом вышла, а час рождения, час Крысы. Крыса с Тигром в ссоре, вместе им не ужиться, начнутся споры. Четвёртая подходила по всем цифрам, но в пометках значилось: «вспыльчива, спорит со старейшинами». Воин такого не поймёт, ему нужна женственная, но с огнём, а не с рогатиной.

Никто не подходил Ымхы по его запросам. Вздохнув, она убрала всё в шкатулку, закрыла её, подняла голову вверх и просто стала любоваться звёздами, что ярко светили в ночном небе над холмом, над сакурой, над её тихой, одинокой работой.

Глава 4

Утром, позавтракав белым рисом, Наби одела свои лучшие одежды. На ней был синий ханбок: короткая кофта чогори из тонкого шёлка, расшитая по вороту и манжетам серебристой нитью, цветущие сливы и летящие журавли, символы долголетия и чистоты, и широкая юбка чима того же цвета, мягко струящаяся при каждом шаге. Поверх она завязала широкий шёлковый пояс с длинными завязками, к которым прикрепила свою парадную подвеску из трёх ветвей с серебряным кинжальчиком-оберегом, колокольчиком и красной коралловой бусиной, от которой спускалась густая шёлковая кисть. Чёрные волосы были заплетены в тугую косу, перетянутую шёлковой лентой, и украшены длинной костяной шпилькой с навершием в виде летящего журавля. На ногах белые хлопковые носки и простые чёрные туфли.

Спустившись с холма, она направилась на рынок в соседний город, что был в получасе ходьбы. Рынок шумел, пах свежим хлебом, жареной рыбой и тушами быков, но Наби, как и любая девушка, не спеша прошла к лавкам с украшениями, они притягивали её, хотя сама она носила больше амулеты, чем драгоценности. Здесь продавали самые разные безделушки на любой кошелёк. Тут были простые серебряные кольца с агатом и тонкие браслеты из меди для служанок и крестьян, изящные заколки с жемчугом для разбитных

купчих, большие парадные норигэ из золота с малахитом и бирюзой для знатных дам, которые не выходили из дому без охраны. Продавец, поймав взгляд Наби, тут же поднёс к ней на деревянном подносе несколько подвесок: одну с орхидеей и медным колокольчиком, другую с лотосом и янтарной бусиной, а третью с парой уток-мандаринок, символом любви, вырезанных из цельного куска белой яшмы.

Наби прикусила губу и тут же засмеялась над собой, свaha на рынке, как и все девушки, потеряла голову от блестящих безделушек. Она купила маленькую серебряную бусину для своего амулета и пошла дальше. Времени было много, а невесты и женихи сами себя не найдут, здесь надо было поговорить с торговками травами, заглянуть в чайные домики и перекинуться парой слов с базарными гадалками. Всё, что пригодится для поиска.

Дойдя до чайной и поздоровавшись с хозяйкой, Наби присела за стол в углу, откуда был виден весь зал. Заказала чайник хокчха (чёрного чая), крепкого, с дымным ароматом и терпким вкусом, какой любят пожилые купцы и старые шаманы. Хозяйка принесла небольшой чугунный чайник, тёмный, с выщербленной эмалью, но внутри он хранил жар долго. Рядом поставила пиалу из грубой серой керамики, без росписи, с неровной глазурью, такие делали в провинции Чолла для повседневной службы. Наби налила себе чай, подула на горячую поверхность, сделала маленький глоток.

Потом она просто сидела, слушала и ждала. Иногда нуж-

ная информация поступала именно таким образом: не через расспросы, а через тишину в чайной, где сталкивались слухи со всего города. Гомон голосов, звон пиал, кашель стариков, смех служанок, шарканье ног по деревянному полу, сквозь весь этот шум можно было уловить обрывок разговора, имя, жалобу. Наби прикрыла глаза, делая вид, что отдыхает, но уши её ловили каждое слово, каждый вздох, каждый шёпот.

— Ты слышала? Госпожа Хон из рода Ким из Андонга умерла. Совсем молодая, даже замуж не успела. А красивая какая была — говорила одна служанка другой, понизив голос до едва слышного шёпота.

Та, что рассказывала, была женщиной лет сорока, корейской, с широким, в веснушках лицом и быстрыми, бегающими глазами. Её ханбок из грубой небелёной пеньки давно выцвел, передник засалился, волосы, стянутые в пучок на затылке, выбивались седыми прядями. Голос у неё был скрипучий, но живой, привыкший к пересудам на кухне и у колодца. Вторая, моложе, двадцати пяти лет, тонкая, бледная, с мелкими чертами лица и пугливым взглядом. На ней был такой же простой ханбок, но передник чище, а платок повязан аккуратнее. Она слушала, приоткрыв рот, и кивала, боясь пропустить слово. Рядом, на лавке, стояли две пустые пиалы из-под рисового отвара.

Наби стала прислушиваться к их разговору.

— Красивая то красивая, а вот жестокая при этом, — кивнула младшая. — Ты слышала, что она сделала со своей слу-

жанкой Ён-хи? Кипяток в лицо плеснула. И только потому, что во дворе сказали, что она красивая.

— Ай-я, — старшая прижала ладонь ко рту. — Вспомнила. Это было той весной. Госпожа Хон тогда рассвирепела, чуть служанку не забила. А теперь вон, боги наказали.

Наби чуть приподняла бровь, но тут же снова опустила взгляд в пиалу, будто рассматривала чайнки на дне. Пальцы её легонько погладили шершавую керамику.

«Красивая и жестокая, подумала она. Таких покойников боятся даже духи».

Она промолчала, только сделала маленький глоток. Чай уже остыл, но она не заметила.

— А про сестру её слышала, Сун-хи? — голос старшей служанки упал до шёпота, почти невидимого, как дымок над остывшим очагом. — Месяц назад умерла. Госпожа Хон толкнула её под лошадь, та пробежала рядом. Не захотела соперницу в виде сестры. А как мать с отцом это перенесли? Отец поседел сразу, с государственной службы ушёл. А мать до сих пор не разговаривает.

Расплатившись с хозяйкой чайной и расспросив, где живут Хон, Наби вышла на улицу. Солнце уже поднялось выше, рынок гудел, пахло жареной рыбой, дымом очагов, свежей выпечкой и разгорячённой кожей. Она шла быстро, ловко лавируя между телегами, корзинами с овощами и неторопливыми торговками, переругивающимися у лотков.

«Две сестры, две покойницы, — думала она. — Родите-

лям, поди, горюшко, но и забота: обе не замужем, обе в могиле. Если я предложу найти мужей для обеих разом, глядишь, и согласятся скорее. А то и скидку можно сделать, за двух невест сразу». Она прошла мимо прилавков с рыбой пока не увидела старуху, перед которой горой лежали ситтхок - рисовые пирожки, аккуратно уложенные в плетёную корзину и накрытые чистой хлопковой тканью.

— Аджумма, дайте мне, пожалуйста, два свёртка, — попросила Наби, протягивая несколько медных монет. — В каждом по четыре пирожка.

Старуха, не спрашивая лишнего, достала из-под прилавка два больших зелёных листа бамбука, чуть влажных, пахнущих лесом и речной свежестью. Ловко свернула каждый кульком, выложила в один четыре пирожка, в другой тоже четыре, завернула плотно и перетянула тонкой бечёвкой из конопляного волокна.

Она уже привыкла, что молодая девушка, судя по примете - Сваха, покупает поминальные пирожки... Не для себя, для тех, кто уже за гранью. А сегодня, видно, для двоих.

Пальцы Наби невольно нащупали на поясе мешочек с сухой полынью. Работа начиналась.

Глава 5

Не торопясь, Наби шла по улице. Она любила просто идти, любила слушать этот многоголосый шум, в котором смешивались выкрики торговцев, звон посуды из открытых кухонь и далёкий смех детей. Её взгляд скользил по изящным узорам деревянных ворот, по выглядывающим из-за высоких каменных заборов зелёным кронам деревьев. Каждый дом, каждый сад хранил свою тайну, своё горе или радость. И сегодня её путь лежал к одному из них.

Вскоре она остановилась у глубокой тенистой улочки, где за глухой кирпичной стеной угадывалась большая усадьба. Это был дом Ким. Наби всегда было непросто переступить порог, где ещё не высохли слёзы, где горе ещё жило в каждом углу, выбеленном известью. Она была молода, двадцать весен, и сердце её ещё не успело обрасти той ледяной коркой, что появляется от долгой работы со смертью. Каждая потеря, каждый плач по-прежнему отдавались в груди щемящей нотой, хотя она уже давно привыкла не показывать этого.

Перед ней возвышались ворота «сотуль-дэмуи». На массивных каменных тумбах покоилась высокая крыша из тёмно-серой черепицы, чьи загнутые края, словно ласточкины крылья, взмывали вверх. Сами створки ворот были сбиты из толстых досок старого дуба, окованных железными полосами, а из стены у входа свисал толстый шнур, сплетённый из

синего и красного шёлка. Говорили, он обжигает злых духов, не пуская их во двор, а для живых служит знаком: здесь чтят законы предков и ждут только добрых гостей. По бокам от ворот тянулись длинные строения «хэннан-чхэ» — флигели для прислуги и хозяйственных нужд, выстроенные из дикого камня и укрытые соломой, чьи неказистые крыши лишь подчёркивали величие главного входа.

Наби глубоко вздохнула и дёрнула за тяжёлое кольцо, висевшее на воротах. Удар металла о дерево расколол утреннюю тишину этой улочки, возвещая о приходе.

За воротами слышались шаги, и дверь приоткрыла молодая служанка в поношенном ханбоке. Лицо её было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд живой, цепкий, сразу окинул Наби с головы до ног.

— Вам кого, агасси? — спросила она, чуть больше приоткрыв створку. Говорила негромко, но отчётливо.

— Мне нужно поговорить с госпожой Ким — сказала Наби, доставая из рукава два свертка с рисовыми пирожками. — Я пришла помянуть её дочерей.

На вид служанка была ровесницей Наби, но казалась старше, то ли от усталости, то ли от горя, что царило в этом доме.

— Госпожа не принимает, — ровно ответила та, не глядя на свёртки.

Тут из-за двери выглянул старик слуга. Он был седой, с редкой бородёнкой, одет в тёмный, застиранный чогори, но взгляд у него был спокойный, понимающий. Глянул на Наби,

на её родинку, и поклонился.

— Проходите, агасси. Хозяйка сейчас примет вас.

Он шагнул в сторону, пропуская Наби, и тихо добавил.

— Мы надеялись, что вы придете.

Молодая служанка, что открыла дверь, отступила на шаг, округлив глаза. Ещё минуту назад она смотрела на Наби с лёгкой надменностью, даже дверь приоткрыла нехотя. А теперь в её взгляде читалось удивление и, кажется, лёгкий испуг. Она вдруг поняла, кого не пускала.

Слуга, согнувшись в почтительном поклоне, жестом пригласил Наби следовать за собой. Он шёл медленно, чуть шаркая, но не от старости, от усталости, что въелась в кости за это время. Они миновали внутреннюю калитку чульчук, и перед ними открылся просторный двор мадан, вымощенный плоскими камнями, меж которых пробивалась молодая трава. Вдоль стен тянулись хозяйственные строения, а в центре возвышалось главное здание с широкой верандой тэчхон.

Слуга не оборачивался, но уверенно вёл её, и Наби шла следом, стараясь ступать бесшумно. Она рассматривала усадьбу: аккуратные бумажные окна, резные карнизы, старый дуб у колодца, чьи корни вздыбили каменные плиты. Пахло здесь не так, как на улице, тяжело, приторно, ладаном и сушёными травами, а ещё той особой тишиной, что бывает только в домах, где недавно была смерть. Только птицы беззаботно щебетали, не ведая о горе, что затаилось за этими стенами.

Они подошли к женской половине дома, анчхе. Слуга остановился у раздвижной двери, оклеенной белой бумагой, и, чуть наклонив голову, негромко произнёс:

— Подождите здесь, агасси. Я доложу хозяйке.

Наби кивнула, поправила свёртки в руке и перевела дыхание. Сердце колотилось где-то у горла. Она вдруг подумала, что сейчас ей предстоит говорить с женщиной, у которой умерли обе дочери. И никакая магия, никакие договоры не могли сделать это легче.

Слуга скользнул за дверь, и Наби осталась ждать в тени старого клёна. Лепестки сакуры, занесённые ветром с другой стороны усадьбы, кружились над её головой, но она их не замечала.

Прошло не больше нескольких минут, но Наби показалось, что прошла целая вечность. Наконец дверь бесшумно отъехала в сторону, и слуга вышел. Лицо его было всё так же спокойно, но в глазах мелькнуло что-то, то ли усталое понимание, то ли облегчение.

— Агасси, — тихо сказал он, — хозяйка узнала, кто вы. Она велела проводить вас не в гостевую комнату, а в саданг, поминальную. Это священное место, туда редко приглашают чужих, но сегодня... — он чуть помедлил, — сегодня она готова нарушить обычай.

Он чуть наклонил голову, приглашая следовать за собой, и зашагал не к двери, в которую только что заходил, а в обход дома, узкой тропинкой, петляющей между старыми сос-

нами. Гравий под ногами чуть похрустывал, но звук этот был глухим, будто прибитым к земле тяжестью горя.

Наби молча пошла за ним.

— Сюда, агасси, — тихо обронил слуга, указывая на небольшое, но строгое здание в глубине сада, чья черепичная крыша темнела на фоне старых сосен.

Это был Саданг. Место, куда женщины заходили редко, а посторонних не пускали почти никогда. На возвышении, в центре, на изящном алтаре стояли два ряда поминальных табличек «випах», на чёрных табличках золотом были выведены имена предков семьи. Перед ними, на низком столике, поминальные яства.

В комнате было сумрачно, окна затянуты белой бумагой, сквозь которую сочился ровный, приглушённый свет. Пахло ладаном и ещё чем-то горьким, неуловимым, как давно засохшие слёзы. Посередине, на циновке из рисовой соломы, сидела женщина в глубоком трауре. Госпожа Ким.

Лицо её было бледным, почти прозрачным, словно сама скорбь высветлила его изнутри. Чёрные волосы, без единой серебряной нити, гладко зачёсаны назад и стянуты в тугой узел на затылке, без единой шпильки, без ленты. Чогори цвета слоновой кости из неотбеленного сырого шёлка. Ни одного украшения. Лишь руки, тонкие, с набухшими синими жилами, неподвижно лежали на коленях.

Наби опустилась на колени у порога и поклонилась, коснувшись лбом сложенных рук. Глубокий, почтительный, как

перед старшей, чьё горе священо.

— Благодарю, что приняли меня, госпожа, — тихо сказала она, поднимая голову. — Я пришла почтить память ваших дочерей и поговорить о деле, которое может принести покой их душам.

Госпожа Ким не шевельнулась. Её тёмные, сухие глаза не мигая смотрели куда-то мимо Наби, в пустоту, где, казалось, ещё блуждали тени тех, кого не вернуть.

— Добро пожаловать, сваха, — голос её, прозвучавший в тишине, показался Наби неестественно громким, — Души моих дочерей сегодня здесь. Я попросила проводить тебя в саданг, чтобы ты могла почтить их по-настоящему. Вы принесли поминальные пирожки, — голос её был ровным, безжизненным, как гладь старого пруда. — Слуга сказал. Положите их на алтарь. Вон там.

Наби чуть подалась вперёд, перенесла тяжесть тела на колени, и бесшумно, плавными толчками, двинулась к алтарю. Свёртки с рисовыми пирожками она держала в руках. Подол ханбока мягко зашелестел по циновке, а коса чуть качнулась. Спина прямая, глаза опущены, дыхание затаено, она не хотела потревожить даже воздух, что висел здесь густо, пропитанный ладаном и тишиной. Она скользила, как тень по воде, боясь нарушить покой этого места.

Достигнув столика с подношениями, она замерла. На мгновение ей показалось, что кто-то незримый стоит за спиной, но она не обернулась. Пальцы чуть дрожали, но она взя-

ла себя в руки. Осторожно, двумя руками, словно передавая драгоценность, положила принесённые свёртки рядом с дымящимися благовониями. Кончики пальцев на миг ощутили тепло от курильницы, но она тотчас отдёрнула руки, не касаясь ни алтаря, ни других предметов, только свёртков и того места, где они должны были лежать.

Затем она сложила ладони вместе перед грудью и чуть склонила голову, чувствуя, как масляная лампа на алтаре бросает тёплый, колеблющийся свет на её лицо. Опустив руки на колени, Наби беззвучно зашевелила губами. Молитва была короткой, почти безмолвной, как вздох:

— Примите эту скромную пищу, души усопших. Я пришла не с пустыми руками, а с миром и надеждой. Помогите мне найти для вас покой.

Свет в лампе чуть моргнул, или ей только показалось? И по стене пробежала дрожащая тень. Наби коснулась ладонями сердца, склонила голову в последнем беззвучном поклоне и так же плавно, на коленях, откатилась назад, на своё место. Там она застыла в позе ожидания: спина прямая, кисти рук свободно лежат на бёдрах, взгляд направлен на алтарь, но в ушах всё ещё звучал тот едва слышный шелест, то ли одежды, то ли тишины, то ли чьего-то незримого шага.

Госпожа Ким не проронила ни слова. Только свет в лампе на алтаре чуть моргнул ещё раз, и замер ровным, спокойным светом, будто души приняли дары.

Госпожа Ким подняла на неё глаза.

— Сваха, принеси покой моим дочерям, — попросила она тихо. — И пусть их души будут счастливы.

В тот же миг воздух в комнате дрогнул, не шевельнулся, а именно дрогнул, как от упавшей капли. Дым от благовоний, что висел неподвижным, тяжёлым облаком, вдруг закружился, заметался, стелясь по алтарю и окутывая поминальные таблички. На миг Наби почудилось, что кто-то невидимый выдохнул, глубоко и облегчённо, прямо у неё за спиной.

Лампа на алтаре моргнула, но не погасла. Тени на стенах качнулись, будто кланяясь.

Госпожа Ким склонила голову, и слеза скатилась по её щеке. Она бесшумно и плавными толчками двинулась к алтарю. Движения её были плавными, но какими-то неживыми, будто она сама уже стала частью этого святилища. Она замерла перед рядом поминальные таблички «випах».

— Здесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Вся жизнь моих дочерей. Рождение, смерть, всё, что между ними.

Она не касалась табличек. Только осторожно, кончиками пальцев, взялась за верхний край первой из них и чуть наклонила вперёд, чтобы свет масляной лампы упал на обратную сторону. На чёрном лаковом дереве золотом были выведены ровные иероглифы: имя, год, месяц, час рождения. Такие же знаки, на второй табличке, младшей.

— Год Змеи, час Тигра, — прочитала Наби, едва шевеля губами, и поклонилась, благодаря за позволение видеть священное.

Госпожа Ким кивнула и чуть отстранилась. Тут же из тени, у внутренней стены, бесшумно выступила старая служанка. В руках она держала свиток из плотной кремовой бумаги, перевязанный тонкой синей лентой. Передала его госпоже, та приняла, прижала на миг к груди.

— Это отдельные записи — произнесла госпожа Ким. — Здесь всё, что вам понадобится: характеры дочерей, их привычки, что любили, чего боялись. Чтобы вы могли лучше понять их души.

Она развязала ленту, развернула свиток и опустила его на колени Наби.

— Читайте, — тихо сказала она. — Время рождения, час, когда умерла, что успела сделать при жизни. Всё, что я помню.

Её голос дрогнул, но она сдержалась, только сжала пальцы, лежавшие на коленях.

Наби приняла свиток обеими руками, склонила голову и пробежала глазами иероглифы. Старшая, Хон. Год Змеи, час Тигра. Нрав: гордая, отходчивая, но не терпит, когда её красоту оспаривают. Умна, начитана, прекрасно ведёт дом, требует к себе уважения. Служанки её побаивались.

Однажды, услышав, как во дворе называли другую девушку красивее её, Хон плеснула в ту служанку кипятком, рефлексы сработали быстрее разума, накатила ревность. Сама потом корила себя. А сестру толкнула в ссоре, не желая ей зла, просто хотела заставить замолчать. И вышло роковое паде-

ние под лошадь. Сама потом плакала, но поздно было. Госпожа Ким, как могла, скрывала этот позор, но правда открылась.

Младшая, Ми. Год Дракона, час Дракона. Характер: тихая, скромная, но с живым огоньком в глазах. Любила цветы, старые песни, много читала, умела поддержать беседу.

Наби чуть задержала дыхание. Обе сестры, непростые, но для каждого духа есть своя невеста.

— Я сделаю всё, что в моих силах, госпожа. Души ваших дочерей обретут покой.

Она сжала свиток чуть крепче, стараясь не выдать волнения, и подняла глаза на госпожу Ким.

Глава 6

Наби решила пойти к шаманке, через рынок. Рынок всё так же шумел и пах, жареной рыбой, дымом очагов, свежей выпечкой. Солнце уже клонилось к закату, и тени от навесов стали длиннее, будто торговцы растягивали день, не желая расходиться.

Проходя мимо чайного дома, Наби увидела паланкин. Тёмно-синий шёлк, серебряная бахрома, родовой знак на дверцах, вышитая слива, не кричаще, но со вкусом. Занавески из плотной, чуть золотистой на просвет бумаги ханчжи были чуть приспущены, и внутри угадывался женский силуэт. От паланкина пахло дорогим, южным сандалом и сухими хризантемами. Деревянные ручки для переноски отполированы до тёплого блеска, носильщики, отошли отдохнуть, оставив слугу караулить паланкин, который и сидел рядом на корточках, сонно хлопая глазами. В воздухе, над этой неподвижной повозкой, кружились сухие лепестки сакуры, занесённые ветром откуда-то с ближних холмов.

Рядом стоял молодой мужчина. Лицо его было узким, с высокими, острыми скулами и прямым, чуть длинноватым носом. Глаза темно-карие, пристальные, тяжёлые, в них читалась суровая сила, которая могла испугать, но притягивала своей уверенностью. Чёрные брови чуть сдвинуты, отчего лицо казалось хмурым даже в покое. Он был высок, строен,

одет в тёмно-синий чогори из плотного шёлка и свободные штаны чогори, заправленные в высокие чёрные сапоги для верховой езды.

Длинные чёрные волосы стянуты в тугой пучок на макушке и заколоты костяной шпилькой-пхёнси, знак того, что он из воинской знати. На поясе висел прямой длинный меч хванду в чёрных лакированных ножнах с серебряной инкрустацией. Из-за плеча выглядывала рукоять короткого лука, а за спиной, кожаный колчан со стрелами, украшенный тиснёным узором. Охранник или старший сын, сопровождающий мать. Возможно, и то, и другое. Он смотрел прямо на Наби.

Из-за приспущенной занавески паланкина показалась женская рука. Тонкие пальцы, униженные серебряными кольцами, с длинными, чисто выточенными ногтями. Кисть чуть дрогнула и сделала короткий, почти неуловимый жест, «подойди». Ничего лишнего, ни единого слова. Просто белая, бледная рука на фоне тёмно-синего шёлка, и запах сандала стал чуть гуще. Где-то рядом звякнула сбруя проезжавшей телеги, и на миг на паланкин упала тень.

Мужчина чуть отступил в сторону, давая Наби встать возле окна паланкина. Занавеска чуть колыхнулась, будто от ветра, хотя ветра не было.

— Сваха, я хочу, чтобы ты нашла невесту моему младшему сыну. Он умер год назад. Я знаю, он не может успокоиться — произнёс женский тихий голос.

Мужчина, тот, что стоял рядом с мечом, чуть нахмурился

и стал смотреть на Наби жёстче, будто оценивал, достойна ли она доверия.

Наби хотела ответить, но взгляд её на миг задержался на напряжённых пальцах, сжимающих рукоять меча, а когда она подняла глаза снова, из-за её спины уже вынырнула грузная женщина. Появилась она не резко, а будто просочилась сквозь толпу, и сразу же оказалась впереди, бесцеремонно оттолкнув Наби плечом в сторону.

Одета она была в пёстрый, кричаще-жёлтый ханбок, расшитый яркими пионами, словно сама себя выставила товаром на рынке. На её поясе, громахая, висели огромные, небрежно нанизанные бирки, а лицо её было сплошной маской: бледное, словно присыпанное мукой (рисовой пудрой, обильно наложенной поверх), губы вымазаны сочным киноварным цветом «ёнчжи», напоминая свежую рану.

— Госпожа, ну зачем вы совсем молоденькой девочке даёте такое трудное задание? — затараторила она, и голос её был напористым, как у торговки рыбой. — Вашему сыну нужна правильная, красивая, знатная невеста! Разве сваха молодая сможет всё правильно подобрать?

Наби узнала её. Пак Кверин, сваха из соседнего уезда, что в часе езды отсюда. Старая лиса, вечно бегаёт по рынкам, перехватывает клиентов, считает себя самой мудрой. Пак Кверин уже открыла рот, чтобы заговорить снова, но женщина в паланкине молчала. Тишина затянулась. Затем из-за занавески показалась та же тонкая рука с серебряными кольцами

и указала прямо на Пак Кверин.

— Ты сможешь найти нам невесту с учётом нашего рода и всех нужных дат? — спросил усталый голос.

Пак Кверин аж подпрыгнула от радости.

— Да, конечно, госпожа! Я лучшая сваха в округе, не пожалеете! — закивала она, победно улыбаясь и покосившись на Наби. — Вы сделали лучший выбор, госпожа.

Наби молчала. Она не стала оспаривать, не стала толкаться. Её род никогда таким образом не искал клиентов. Всё делалось учтиво, по согласию, без толкотни у чужих паланкинов. Предки учили: слово и честь дороже сиюминутной выгоды.

Мужчина с мечом, стоявший поодаль, смотрел на эту сцену с растущим раздражением. Его брови сошлись к переносице, губы сжались в тонкую линию. Он перевёл взгляд с Пак Кверин на Наби, потом на паланкин, и тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Только пальцы его на рукояти меча чуть сжались.

Видя, что разговор повернул не в её сторону, Наби не стала спорить. Она спокойно поклонилась женщине в паланкине, не низко, но учтиво, как того требовало приличие, и тихо произнесла:

— Пусть духи хранят вашу семью и ниспошлют достойную невесту, госпожа.

Развернулась и пошла прочь, но не успела сделать и трёх шагов, как снова наткнулась на взгляд мужчины с мечом. Он

смотрел на неё всё так же жёстко, пристально, и в этот раз в его глазах не было сомнений, только холодный, тяжёлый металл. Наби поёжилась, словно кто-то провёл лезвием по спине, и только чуть ускорила шаг, расправила плечи, пошла дальше, в толпу, пряча внутри досаду и удивление

Пройдя сквозь шумный рынок, Наби свернула в узкий переулок. Здесь царила совершенно иная жизнь, тихая, скрытая от посторонних глаз. Дорога сужалась, мощёные плиты сменялись утоптанной землёй, а высокие глинобитные стены с черепичными навесами, скрывавшие внутренние дворы жилищных домов, уступили место невысоким оградкам из почерневшего дерева и камня. Воздух стал тяжелее, пропитанный запахом сырой глины, старой древесной коры и дымом, который тянуло из труб низких строений, жавшихся друг к другу за невысокими плетнями.

Тропинка змеилась между убогими лачугами и покосившимися заборами, пока не вывела к самому краю жилья, туда, где дорога упиралась в пологий склон поросшего кустарником холма. Здесь, среди редких сосен, стояла одинокая хижина с покосившейся черепичной крышей. Это был дом старой шаманки Ок Соль.

Двор окружал невысокий плетень из ивовых прутьев, местами подпертый старыми кольями. Вдоль ограды тянулись грядки с полыньёю и горькой мятой. У порога, на верёвке, сушились пучки трав, их тонкие стебли тихо колыхались на ветру.

В самом центре двора на невысоком столбе мерно покачивался от ветра ржавый колокол. А у входа, прислонённый к стене, стоял длинный шест, соттэ, с несколькими яркими лентами, привязанными к его верхушке. В тени, под навесом, можно было разглядеть чангу и медный гонг.

В воздухе пахло землёй, полынью и чем-то неуловимым, как старые сны.

— Аджумма, аджумма! — негромко позвала Наби, заходя во двор.

— Что ты кричишь так, агасси? Всех духов мне распугаешь, убегут, — смеясь, вышла из дома старая Ок Соль.

Она была маленькая, сухонькая, с лицом, истыканным мелкими морщинами, как высохшее яблоко. Седая коса, тонкая, как мышинный хвост, едва доставала до пояса. На ней был выцветший, тёмно-серый ханбок. Из-за пазухи выглядывал край старого амулета, обёрнутого в берёсту. Глаза у неё, узкие, чёрные, смотрели бойко, с искоркой, и казалось, знают о Наби больше, чем та сама о себе.

Голос её был скрипучим, но живым, как у старой вороны, радующейся гостю.

— Спокойно ли вы провели ночь? — Наби поприветствовала шаманку, склонив голову в лёгком поклоне, а затем спросила уже по-простому, с тёплой улыбкой. — Как у тебя дела, аджумма?

С этими словами она шагнула вперёд и радушно обняла старуху за плечи. От Ок Соль пахло сушёными травами, ды-

мом очага и ещё чем-то древним, как старые корни.

— А, агасси... — улыбнулась Ок Соль, сверкнув щербатым ртом, и глаза её, узкие, чёрные, заискрились ласковым огоньком. — Всё хлопочу, милая. Хорошо, что пришла, детка. У меня три духа для тебя есть, два жениха и одна невеста — похвасталась она и даже приподняла руку, будто показывая невидимых клиентов.

Наби всплеснула руками, и на щеках её проступили ямочки.

— Что бы я без вас делала, аджумма! — воскликнула она звонко, и смех её, как колокольчик, рассыпался над тихим двором.

Достав из-за пазухи небольшой лист грубой, сероватой бумаги и огрызок угля, Наби быстро записала всё, что ей рассказала шаманка. От усердия она даже высунула кончик языка и, не заметив, измазала нос чёрной полосой.

— Аджумма, — спросила Наби, почесав кончик носа и сделавшись похожей на смешливого котёнка. — А вещи, чтобы вызвать их, вы у них взяли?

— Конечно, детка, конечно, — закивала Ок Соль, и бойкие огоньки в её глазах разгорелись ярче. — Вот, это колокольчик невесты. Говорит, висел у неё над кроватью, любила его очень.

Она протянула Наби маленький бронзовый колокольчик пхумджа, с истёртым рисунком, который тихо звякнул, будто вздохнул.

— А это кончик стрелы, от второго жениха. Воином был, красивый мужчина, жалко... — Шаманка вздохнула и протянула на ладони ржавый наконечник, всё ещё хранящий привкус старой крови.

— А это, — она достала ещё один предмет, завёрнутый в тряпицу, — вещь третьего. Он писцом в уездном управлении служил, сони (письмоводитель) назывался. Всю жизнь с бумагами да счётами возился, а как помер, так и дух его не может без дела. Вот, его счётная доска чанпхан и кисть, что с пальцев не выпадала.

Старуха протянула Наби тонкую, изящную кисть и небольшую деревянную дощечку с нанесённой сеткой для счёта.

— Это у него всё, главное было- вздохнула Ок Соль.

— Спасибо, аджумма. — Наби поклонилась старухе, коснувшись рукой её плеча в знак особой, тёплой благодарности, прижала все три предмета к груди и произнесла: — Я домой.

Глава 7

Уже смеркалось. Солнце давно село, и по узким улочкам поползли синие сумерки, густые, как чернила, разведённые водой. Где-то вдалеке залаяла собака, и её лай глухо отозвался эхом среди низких глинобитных стен. В вечернем воздухе пахло дымом, сырой землёй и чем-то горьковатым, неуловимым, словно сама ночь готовилась опуститься на землю.

— Возьми фонарь, неугомонная — сказала Ок Соль, и голос её, скрипучий, но тёплый, прозвучал в сумерках особенно отчётливо. — В темноте-то что ходить? Духов не боишься, а о ноги запнуться можно.

Она протянула Наби старый, плетёный из бамбука фонарь с потрескавшейся бумагой, внутри которого уже мерцал маленький, живой огонёк. Свет его выхватывал из темноты лицо шаманки, делая его ещё более древним, похожим на корявый корень старого дерева.

— Спасибо, аджумма. Как буду опять на рынке, занесу его — произнесла Наби, обернувшись на полпути к калитке.

Она вышла со двора, и сумрак тут же обнял её за плечи. Фонарь в руке мерцал неровно, выхватывая из темноты то кусок покосившегося плетня, то корявый ствол старой сосны, то лужу, в которой отражался бледный клочок неба. Дорога была неровной, камни то и дело выскакивали из-под ног, и Наби то и дело придерживала фонарь, чтобы не упасть.

Пахло вечерней сыростью, влажной землёй и дымком очагов, где в домах доваривали ужин. В воздухе витал сладковатый, чуть горьковатый аромат цветущей сакуры, смешанный с тонким, медовым дыханием форзиции, ярко-жёлтые кусты которой там и тут выглядывали из-за плетней. Изредка доносился приглушённый лай собак, да где-то вдалеке скрипнула калитка, и снова наступила тишина.

Фонарь бросал тени, которые вытягивались, искажались, бежали впереди Наби, как живые. Где-то за забором зашуршала кошка, и Наби невольно ускорила шаг. Но страшно ей не было, только немного не по себе, как всегда в этот час, когда мир живых медленно уступает место миру снов и теней.

Дорога пошла вверх, камни стали крупнее, а тени от деревьев, гуще. Наби свернула на знакомую тропу, что вела на холм, к её дому. Фонарь выхватывал из темноты стволы старых сосен, чьи корни цепко держались за землю. Ещё немного, и покажется калитка.

Уже подходя к своей калитке, Наби почувствовала холод. Не тот, что от вечерней росы, а другой, липкий, который забирается под одежду и сжимает сердце. Таким холодом веет от старых могил или от тех, кто не может забыть обиду. Она замерла, не дыша. Фонарь в руке задрожал, и тени заметались по траве, по стволам сакуры, по каменным плитам дорожки. А потом Наби увидела её.

Женщина стояла у калитки, чуть прислонившись плечом к дереву. Лицо её было бледным, как лепесток сакуры, но не

живым, а тем, что уже упал на землю и начал увядать. Тонкие, точеные черты, высокие скулы, прямой нос, губы, которые при жизни, наверное, часто улыбались, а теперь застыли в горькой обиде. Чёрные волосы, гладко зачёсанные назад, стянуты в тугой узел на затылке, без единой шпильки, без ленты. И глаза, большие, тёмные, без дна, в которых, казалось, застыла вечная тоска. По платью и манере держаться, знатная, из хорошей семьи.

Она была красива. Не той яркой, цветущей красотой, а холодной, как лунный свет на замёрзшем озере.

— Госпожа? — спросила Наби, и голос её чуть дрогнул, но она взяла себя в руки. — С чем пришли?

Фонарь в её руке мигнул, будто испугался, и тени заметались по стене дома, по стволам сакуры, по лицу женщины, делая его ещё более чужим, нездешним.

— Сваха, ты была в доме моей матери — произнесла женщина, и в голосе её слышалась ледяная ровность. — Ты обещала ей найти нам с сестрой мужей. Меня зовут Хон, я старшая сестра. Я хочу высказать своё мнение по поводу будущего жениха.

От её слов повеяло холодом, и Наби почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Лепестки сакуры, ещё минуту назад кружившиеся в воздухе, вдруг замерли и упали на землю, будто наткнулись на невидимую стену.

— Да, конечно, госпожа, это ваше право. Ваше мнение очень важно, — сказала Наби. Она толкнула калитку, та со

скрипом отворилась, и Наби пригласила Хон во двор, на лавку под сакурой. — Прошу, присаживайтесь. Расскажите, чего бы вы хотели для себя.

— Я хочу, чтобы он был старше меня, — тихо, почти неслышно проговорила Хон, и в её голосе вдруг прорезалась не ледяная пустота, а живая, давно забытая боль. — Умнее. Мудрее.

Она замолчала. Только ветер трепал её траурный ханбок.

— Я не хочу быть сильной, сваха, — выдохнула она, и этот шёпот был страшнее любого крика. — Хочу, чтобы муж принимал решения. И просто любил меня. Мне так нужна любовь... — её голос дрогнул и стал похож на девичий, испуганный, жалобный, совсем не подобающий знатной даме. — В доме ко мне все относились как к старшей дочери. А младшую баловали. Временами забывали, что я тоже ребёнок. Что я тоже хочу материнской ласки.

Тени от фонаря метнулись в сторону, и Наби на миг показалось, что на скамейке рядом с Хон сидит не холодная красавица, а маленькая, обиженная девочка в слишком взрослом платье. Но видение пропало, и перед ней снова была знатная госпожа, застывшая в гордом молчании. Наби на миг задумалась, перебирая в памяти женихов. Кто там у неё был? Один из старых заказов, что ещё бабушка вела. Да, точно. Он.

— Сунги! — резко позвала Наби. — Неси шкатулку тёмно-синего цвета с бирками.

Голос её разнёсся по двору, и где-то в доме тотчас зашаркали торопливые шаги старой служанки. Из дома вышла Сунги, неся в руках тяжёлую шкатулку. Поставила её на край каменного стола, вздохнула и засеменила обратно в дом, задевнув за собой раздвижную дверь.

Наби повернулась к Хон, и в глазах её, серых, с миндалевидным разрезом, мелькнула уверенность.

— Думаю, есть у меня тот, кто вам, госпожа, подойдёт хорошо. — сказала она.

— Он давно ищет жену. Ещё моя бабушка вырезала бирку с его именем и запросом, — продолжила Наби. — Вы очень подходите под описание, что он дал. Но, госпожа, я должна проверить совместимость по году и часу рождения. Без этого никак. Простите, традиция.

Хон чуть приподняла бровь, но ничего не ответила. Только холод вокруг неё стал чуть тише, будто дух замер в ожидании.

Высунув кончик языка от усердия, Наби вчитывалась в бирки. Пальцы её, тонкие и быстрые, перебирали одну за другой, а глаза скользили по иероглифам, выискивая нужные даты, имена, характеристики. Те, что не подходили, она откладывала обратно в шкатулку, и только три, положила рядом с раскрытой шкатулкой, на самом виду. Фонарь на столе бросал неровный свет, и тени от бирок плясали по каменной столешнице, будто живые.

— Вот, смотрите, госпожа, — Наби показала пальцем на

первую бирку. — Это Ли Хакён, из рода Ли из Чхунджу. Служил управляющим в уезде, толковый был чиновник. Год рождения, Крыса, час рождения, Кролик. На четыре года старше вас при жизни был.

Она перевернула бирку и прочла то, что было написано на обороте:

— Требуется послушания, но не глупого. Хозяйственную, умеющую хранить тайны. Без спеси. Сам он, по записям бабушки, был справедлив, но строг, любил порядок, не терпел лжи.

Наби помолчала, прикидывая в уме совместимость.

— С вашим годом Змеи и часом Тигра у вас выходит средняя совместимость. Не лучшая, но и не плохая.

— А это, госпожа, второй, — Наби взяла другую бирку. — Чхве Мунхо, воин. Тоже средняя совместимость. Притираться придётся долго. Не идеал. Но красивый мужчина. Очень.

Она отложила бирку в сторону и взяла третью.

— А это, госпожа, третий, — Наби взяла последнюю бирку, подержала её на свету, и фонарь бросил тень на её пальцы. — Пак Со Джун, из рода Пак из Андонга. Учёный, служил в королевском архиве. Год рождения, Дракон. Он был старше вас на тринадцать лет при жизни. Час рождения, Дракон, самый мудрый час.

Она перевернула бирку, провела пальцем по выцветшим иероглифам и прочла тихо, словно боясь нарушить тишину:

— Невесту с огнём в душе. Чтобы не молчала, если есть что сказать. Чтобы спорила, но умела и слушать. Не боится гордой, боится пустой. Пусть лучше яркая, как пламя, чем серая, как зола.

Наби подняла глаза на Хон. Женщина-дух застыла, не дыша. На миг Наби показалось, что она сейчас заплачет, губы её дрогнули. Но духи не плачут. Только тени от сакуры легли на её лицо, сделав его ещё более чужим, почти прозрачным в неровном свете фонаря. Где-то глубоко в груди у Наби кольнула жалость, острая, неожиданная. «И она ведь когда-то была живой, и хотела счастья», — подумалось ей, и стало не по себе.

— Вы, госпожа, подходите ему по всем статьям. Дракон со Змеёй в год и в час дают высокую совместимость, — Наби говорила негромко, но каждое слово падало в ночную тишину, как камень в воду. — Он старше, мудрее, будет принимать решения. А вашу яркость он не просто примет, а оценит. Он сам был учёным, привык к спорам. Тихая скромница ему бы не подошла.

Она помолчала, потом добавила, чуть наклонив голову:

— Единственное: у него с одной стороны лица и тела большие шрамы от ожога. Он умер, спасая библиотеку от огня.

Она помолчала, и только фонарь тихонько потрескивал, разгоняя тьму, да тени от сакуры качались на стене, будто слушали. Потом добавила, чуть наклонив голову:

— Он один из немногих, кому вы, госпожа, будете инте-

ресны такой, какая есть.

Глава 8

— Выбор за вами, госпожа, — голос Наби был тих, но твёрд. — Хотите познакомиться со всеми тремя?

Хон не ответила сразу. Только ветер чуть шевельнул её траурный ханбок, и лепестки сакуры, кружившиеся в воздухе, на миг замерли, будто тоже ждали ответа.

— Нет, сваха. Я хочу увидеть только третьего. Я верю твоим расчётам. Ты сказала, он подходит мне лучше других.

Наби взяла бирку Пак Со Джуна и поднесла к Хон.

— Если вы согласны, госпожа, оставьте знак, — прошептала она.

Хон медленно протянула руку и коснулась бирки кончиком пальца. Ледяной отпечаток проступил на грушевом дереве, и на миг в воздухе повеяло холодом, будто сама Хон выдохнула. Наби улыбнулась и убрала обе бирки в шкатулку.

Она перевела взгляд на другие бирки, те, что лежали отдельно, и тихо вздохнула. «Хорошо бы и сестру пристроить, — подумала она. — Но без согласия старшей не обойтись».

Осторожно дотронулась рукой до одной из бирок, лежащих в шкатулке, и спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Госпожа, простите... а какие отношения у вас с сестрой? Это не любопытство. Просто я вижу, есть жених и для

неё.

Она подняла глаза на Хон и замерла, ожидая ответа. Тени от сакуры скользнули по лицу женщины-духа, делая его непроницаемым.

— Что значит «есть жених»? — тихо, с ледяной ноткой спросила Хон. — Ты хочешь выдать мою сестру замуж раньше меня?

— Нет, госпожа, — спокойно ответила Наби. — Просто хочу понять, не будете ли вы против, если я предложу кандидатуру и ей. Вы старшая, ваш брак, первый. Но если сёстры в ссоре, я должна знать, чтобы не навлечь беду.

Хон молчала долго. Фонарь на столе мигнул, и тени качнулись, заметались по стене дома, по стволам сакуры, по лицу женщины-духа, делая его то живым, то снова чужим. Где-то в темноте зашуршали сухие лепестки, ветер тронул ветви, и несколько розовых хлопьев упали на каменный стол, на раскрытую шкатулку с бирками.

— Мы были не в ссоре, — наконец произнесла она, и голос её дрогнул, потерял ледяную ровность. — Я... завидовала ей. Её любили больше. Но она была не виновата. Если жених хороший, я не против. Я не против, если брак будет и в один день. Может, это хоть как-то нас чуть сблизит.

Она замолчала. Только ветер снова вздохнул в ветвях, и тени успокоились, замерли.

Наби кивнула и убрала руку с бирки.

— Благодарю за откровенность, госпожа. Я запомню, —

произнесла она, откладывая бирку в сторону. — Госпожа, дайте мне неделю. Я должна по обычаю узнать и его мнение.

Она подняла глаза на Хон, и в их серой глубине мелькнуло что-то тёплое, почти материнское.

— Неделю, госпожа. И я буду с ответом.

— Хорошо, сваха, я подожду, — грустно улыбнувшись, сказала Хон. — Что такое неделя по сравнению с моей вечностью?

Она начала таять. Не сразу, а будто растворяясь в ночном воздухе: сначала стали прозрачными её руки, затем плечи, лицо. Лепестки сакуры, которые до этого лежали неподвижно, вдруг всколыхнулись и закружились, будто кто-то невидимый выдохнул. И через мгновение от Хон остался только смутный, холодный след, запах мокрой земли и тихий, едва слышный вздох.

Фонарь на столе перестал мигать и загорелся ровно, спокойно.

Наби постояла, глядя на опустевшую скамейку, потом перевела дух и тихо позвала:

— Сунги, мы чай пить будем?

— Будем, будем, — отозвалась старая служанка, задвигая за собой раздвижную дверь. В руках она несла невысокий лакированный поднос. На подносе стоял белый фарфоровый чайник, две пиалы из грубой серой керамики, маленькая бамбуковая ложка и плошка с мёдом. Пахло от подноса жасмином и сушёными травами.

Ночь стояла тёплая, почти летняя. Ветерок, мягкий, как шёпот, доносил с восточного склона соседнего холма терпкий, медовый аромат цветущей липы. Запах переплетался с цветущей сакурой во дворе, и воздух казался густым, почти осязаемым, как сироп. Где-то в темноте стрекотали сверчки, и небо над головой было чистым, усыпанным звёздами.

— У меня всё наготове, агасси, — сказала Сунги, ставя поднос на край стола. — Ну рассказывай, почему такая довольная сидишь?

Наби широко улыбнулась, и на щеках её проступили ямочки. Она даже привстала на скамейке, будто не могла усидеть на месте.

— Сунги, это небывалая удача! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Я нашла сразу две пары. Ты же знаешь, как редко бывает, чтобы за один раз две пары сошлись. Я сама не верю, но всё сходится!

Она рассмеялась, звонко, по-детски, и схватила старуху за руку.

— Хорошо бы, агасси, — Сунги покачала головой, но в глазах у неё тоже засветилась теплая искорка. Она села на скамейку, старательно поправив подол. — Только не торопи события. Посмотри бирки ещё раз, перепроверь. А то мало ли, что не так запомнила или перепутала.

— Перепроверю, аджумма, перепроверю, — Наби снова улыбнулась, но теперь уже хитро. — Но ты же знаешь, я редко ошибаюсь.

Она сделала несколько глотков, наслаждаясь теплом, что разливалось по телу, и тишиной ночи. Звёзды над головой светили ярко, и даже ветерок, словно замер, не желая мешать. Наби поставила пустую пиалу на поднос, отодвинула её в сторону и потянулась к шкатулке.

Достав свежие, ещё не заполненные бирки из грушевого дерева, она аккуратно и сосредоточенно принялась вырезать на них все данные: имена, годы и часы рождения, годы смерти, краткие характеристики, всё, что удалось узнать. Иероглифы ложились ровно, одно за другим. Данные сестёр Ким она переносила из свитков, что передала госпожа Ким. А сведения о трёх духах, из записей шаманки Ок Соль. Фонарь на столе мерцал ровно, тени от пальцев Наби плясали по каменной столешнице, и только иногда слышалось лёгкое поскрипывание резца по дереву.

Она работала медленно, не торопясь, перепроверя каждую деталь. Нельзя было ошибиться. Судьбы тех, кто уже за гранью, зависели от её рук.

Удовлетворённо вздохнув, Наби стала перебирать все бирки, и старые, и новые, внимательно вчитываясь в характеристики и даты рождения. Бирку Ымхы положила рядом с биркой младшей сестры Ким Ми. Внимательно всё перечитала, довольно кивнула головой, с нежностью погладила бирки пальцем, наклонив голову набок.

Вдруг в голове всё встало на свои места, и Наби щёлкнула пальцами. Она взяла бирку девушки Чон Мисон, что да-

ла старая шаманка, и положила рядом с биркой духа-воина Чхве Мунхо, которого предлагала госпоже Хон. Подумала, почесала кончик носа.

— Так-так, — прошептала она. — Чхве Мунхо, из рода Чхве из Кёнджу, что славился воинами, год Лошади, час Собаки. Из знатного рода. Вспыльчивый, но отходчивый. Любит порядок, но не терпит скуки. Ищет жену смелую, верную, чтобы не боялась разлук. Род ему не важен, сам из янбан (знать), а невесту хочет по душе, а не по гербу.

Она перевернула бирку и пробежала глазами записи.

— А вот Чон Мисон: год Собаки, час Дракона. Из рода мастеровых, из сословия чунъин. Её семья, потомственные лекари, травники. Не знатные, но уважаемые, без их отваров и мазей и знатные дамы не обходились. Внешне тихая, но внутри огонь. Умеет ждать, умеет прощать. Боится не врагов, а скуки.

Наби перечитала записи на бирках, потом посмотрела на три пары, разложенные перед ней, и широко улыбнулась.

— Они же идеально подходят друг другу! — воскликнула она, и глаза её засияли. — Три пары. Три! Это же просто подарок судьбы!

Она схватила бирки Чхве Мунхо и Чон Мисон и прижала их к груди, будто боялась упустить.

— Идеальная пара!

Наби перевела взгляд на другие пары: Хон с Пак Со Джуном, Ымхы с младшей сестрой Ким Ми, и рассмеялась, звон-

ко, счастливо.

— Ни одного сомнения! Три пары, и все сложились сами собой. Я будто их только соединила, а они друг друга нашли.

Она погладила бирки пальцем, бережно, с нежностью, и переложила их чуть ближе к шкатулке.

— Осталось только спросить у духов, согласны ли они, — сказала она, но в голосе её уже слышалась уверенность. — А они согласятся, я чувствую.

Глава 9

Утром, только позавтракав, Наби вынесла шкатулку на крыльцо и снова пересмотрела бирки, мало ли, вдруг вчера по усталости не так что-то поняла? Всё сходилось. Три пары, которые идеально подходили друг другу. Наби решила начать с госпожи Хон.

Она вернулась в дом, достала из ящика стола, того, что стоял у самого изголовья, кисть и счётную дощечку господина Пак Со Джуна. А рядом, в таких же ячейках, выстланных мягкой тканью, хранились предметы других духов, тех, кто ещё ждал своей очереди: чьи-то пряди волос, обрывки ткани, старые монеты, засохшие цветы. Пахло от ящика старым деревом, ладаном и ещё чем-то неуловимым.

— Вещи для зова, — называла этот ящик бабушка.

Наби осторожно, кончиками пальцев, переложила предметы, проверяя, все ли на месте, и тихо вздохнула. Сегодня предстоял трудный день.

Вышла на улицу, села под сакуру. Утро было свежим, трава ещё не просохла от росы, и солнце только начинало золотить верхушки деревьев. Она бережно взяла кисть и дощечку, поднесла к губам и тихо подула на них, согревая своим дыханием. Дерево чуть отозвалось теплом, и Наби на миг показалось, что в воздухе повеяло осенью и старыми книгами.

— Ну что ж, господин Пак Со Джун, — прошептала она,

— давайте знакомиться.

Наби положила кисть и счётную дощечку на каменный стол, прямо под цветущей сакурой. Села поудобнее, поджав ноги в мипхури, и закрыла глаза, чуть коснулась пальцами лба, потом груди. Вдохнула глубоко, задержала дыхание, потом выдохнула медленно, тихо шепнув:

— Коснись порога моего, господин Пак Со Джун. Час настал.

В воздухе витал прозрачный, чуть влажный туман. Тени от веток сакуры лежали на столе, неподвижные, будто нарисованные. Но в тот миг, когда Наби произнесла последние слова, тени дрогнули. Воздух стал плотнее, тяжелее, запахло старой бумагой, чернилами и ещё чем-то горьковатым, как от давно пролитого лекарства.

А потом он появился.

Сначала просто сгусток света и тени у калитки. Потом тень вытянулась, стала выше, обрела очертания. И вот перед Наби стоял мужчина. Высокий, статный, с привычкой чуть наклонять голову. Лицо его было тонким, породистым, с высокими, чуть выступающими скулами и прямым носом. Глаза, тёмные, глубоко посаженные, с едва заметным миндалевидным разрезом. Кожа бледная, как у человека, много времени проводившего в закрытых помещениях среди книг. Волосы, чёрные с ранней сединой на висках, были стянуты в тугой пучок санту на затылке. Левая половина лица и шея были стянуты неровной, блестящей кожей, следы ожога. Шра-

мы уходили под ворот, скрываясь где-то на плече. Одет он был в тёмно-синий ханбок из хорошего шёлка, но простого покроя, без вышивки, видно, не любил роскошь. На поясе висела пустая чернильница и связка старых кистей, а на ногах чёрные шёлковые туфли котсин с загнутыми носами.

Он не шагнул, не поклонился. Только склонил голову набок и спросил тихо, с хрипотцой:

— Ты меня звала?

— Господин Пак Со Джун, — Наби говорила спокойно. — Вы обращались к старой шаманке Ок Соль с просьбой найти вам невесту. Она рассказала о вас мне. Я сваха, Наби из рода Хван. Сегодня очень удачный день, господин, и для вас, и для меня.

Она улыбнулась, и в голосе её зазвучала уверенность.

— Я думаю, я нашла ту, что вы искали.

Где-то в кронах сакуры заливались птицы, негромко, приветливо, будто здоровались с новым днём. Из деревни доносился далёкий петушиный крик и лай собаки, где-то скрипнула калитка. Воздух был свежим, прозрачным.

Учёный придвинулся ближе к Наби, и тень от сакуры скользнула по его лицу, сделав шрамы ещё заметнее. Правая бровь его удивлённо поднялась, а левая, стянутая ожогом, осталась неподвижной. Голос его был ровным, спокойным, как гладь старого пруда.

— Сваха-ним, я обратился к Ок Соль только вчера. Неужели вы уже нашли мне невесту? — он чуть наклонил

голову, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство. — Это воистину удивительная быстрота.

Наби чуть склонила голову в ответ, и лепесток сакуры упал на её плечо. Она повернула голову и чуть дунула, сдув его.

— Господин, ваша судьба и судьба этой девушки сошлись в нужный час, — сказала она, глядя прямо на него. — Видимо, ваши пути были связаны красной нитью инён задолго до этого дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.